

ПЕРЕПИСКА А. А. ФЕТА с Д. В. ГРИГОРОВИЧЕМ (1888–1891)

Публикация А. Г. Гродецкой

Знакомство Фета с Дмитрием Васильевичем Григоровичем (1822–1899) относится к декабрю 1853 — январю 1854 года, т. е. ко времени его сближения в Петербурге с литературным «кружком» «Современника»,¹ неизменным и всеми любимым участником которого был автор «Антоня Горемыки» (1847). О своих петербургских встречах в 1850-е годы в журнальных редакциях и литературных гостиных как Фет, так и Григорович упоминают в мемуарах. «Кто из нас в те времена, — пишет Фет, — не знал веселого собеседника, товарища всяческих проказ и мастера рассказать смешной анекдот — Дмитрия Васильевича Григоровича, славившегося своими повестями и романами?»² И далее со слов Григоровича он передает комические подробности одного из не прекращавшихся во второй половине 1850-х годов споров Толстого с Тургеневым. На страницах «Литературных воспоминаний» Григоровича Фет появляется лишь однажды — как посетитель вечера «с дамами, принадлежавшими к аристократическому кругу» у А. А. Краевского. «Раз сидим мы, — пишет Григорович, — входная дверь растворяется и пропускает величественную фигуру кирасира; шагнув вперед, он торопливо со мною поздоровался, брякнул шпорами, сделал поклон дамам и, выгнув молодецки спину, быстро направился в кабинет». Далее мемуарист приво-

¹ См.: *Тархов А.* Примечания // *Фет А. А.* Воспоминания. М., 1983. С. 485; *Летопись*. С. 302. Следует заметить, что среди участников «кружка» в январе 1854 г. оба автора (вслед за Фетом) называют И. А. Гончарова, тогда как последний находился в это время в экспедиции на фрегате «Паллада» и вернулся в Петербург только в феврале 1855 г.

² *МВ*. Ч. 1. С. 107.

дит собственный диалог с дамами: «— Кто такой Фет? — Известный наш поэт. — В каком роде? <...> — Как бы вам объяснить? В самом тонком, неуловимо-поэтическом роде... — Это как Вальтер Скотт? — Да, приблизительно, — отвечал я <...>».³

Одна из встреч Фета и Григоровича этих лет точно датирована — она состоялась 11 декабря 1857 года. В этот день Григорович вписал сочиненное им четверостишие «Замоскворечье, — о пустыня!..» в альбом М. П. Фет (Боткиной), озаглавив его «Первый стихотворный опыт молодого поэта на 35 году своего рождения». Фет ответил в том же альбоме четверостишием «Не поноси Замоскворечья...», которому Григорович дал название: «Ответ старого поэта на 37 году от роду».⁴

Как складывались отношения писателей в последующие годы, сказать трудно. Их эпистолярный диалог, при обширнейшей переписке каждого,⁵ одиннадцатью публикуемыми ниже письмами, к сожалению, исчерпывается. Судя по первому из писем, в котором Григорович вспоминает «дорогой кружок лиц» их общей молодости, перерыв в общении был долгим.

В трех письмах Фета от декабря 1888 года и четырех ответных письмах Григоровича речь идет о прохождении через Театрально-литературный комитет, членом которого был Григорович,⁶ фетовского перевода комедии Плавта «Горшок».

³ Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М., 1987. С. 112. Любопытное свидетельство о Григоровиче содержится в письме Г. П. Данилевского к Я. П. Полонскому от 28 апреля 1855 г.: «...он все время болтал по-французски, читал и объяснял Кольцова, смотрел все в лорнет и уверял окружающих, что выше Ламартина и Фета никого не знает из поэтов» (Г. П. Данилевский. Письма к Я. П. Полонскому / Публ. Е. В. Свиясова // *Ежегодник РО ПД* (1978). Л., 1980. С. 160).

⁴ См.: Поэтика. Временник словесного отдела Гос. ин-та истории искусств. Л., 1926. С. 130–131; *Фет. ССЦП*. Т. 1. С. 368, 501; Капелюш Б. Н. Рукописи и переписка Д. В. Григоровича: Научное описание // *Ежегодник РО ПД* (1969). Л., 1971. С. 9 (№ 45), с указанием, что название к стихотворению Фета вписано Григоровичем.

⁵ «Григорович был чрезвычайно общителен: живость характера, отзывчивость, богатая эрудиция и мастерство рассказчика привлекали к нему людей. Среди видных писателей, художников, общественных и культурных деятелей мало с кем Григорович не был знаком или не состоял в переписке» (*Мецержков В. П.* Григорович Д. В. // *Русские писатели. 1800–1917*: Биогр. словарь. М., 1992. Т. 2. С. 29). По данным Б. Н. Капелюш, составителя указанного выше «Описания» (С. 6), в Рукописном отделе *ИРЛИ* хранится 345 писем Григоровича к 70 адресатам.

⁶ Театрально-литературный комитет — совещательный орган при Дирекции Императорских театров, учрежденный в 1855 г. (для отбора лучших пьес к 100-ле-

Фет начал переводить «Горшок» Плавта осенью 1887 года по совету профессора Киевского университета Ю. А. Кулаковского.⁷ В начале июля 1888 года Фет уже читал перевод Кулаковскому, гостившему в Воробьевке, о чем он сообщал графу А. В. Олсуфьеву 7 июля 1888 года. Рукопись перевода была отправлена Фетом в Театрально-литературный комитет для получения разрешения на ее сценическую постановку, вероятно, в середине ноября 1888 года.⁸ О получении рукописи Григорович сообщил Фету в письме от 22 ноября (письмо 1).

Несмотря на разрешение театральной цензуры, предполагавшаяся постановка комедии в Малом театре в бенефис Н. А. Никулиной не со-

тию русского театра) и с начала 1860-х гг. действовавший на постоянной основе. Комитет занимался рассмотрением новых пьес (русских и переводных), предназначенных для постановки на «казенной» сцене. В 1891 г. был реорганизован и разделен на Петербургский и Московский комитеты. По сведениям В. П. Мещерякова, Григорович с 1891 г. был председателем Петербургского театрально-литературного комитета (*Мещеряков В. П.* Григорович Д. В. С. 29; о его должности в Комитете в 1880-е гг. не сообщается). Сохранилось большое количество написанных Григоровичем рецензий на представленные в Комитет пьесы (см. об этом: *Юманкова Е. П.* Литературная и общественно-культурная деятельность Д. В. Григоровича в 1880–1890-е гг. // Ученые записки Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1965. Т. 273. С. 156).

⁷ Об этом свидетельствует письмо Кулаковского к Фету от 14 сентября 1887 г., в котором он, препровождая текст комедии, рекомендовал «посмотреть одну-две сцены» (*РГБ. Ф. 315. К. 8. № 53. Л. 1 об.*). О Юлиане Андреевиче Кулаковском (1855–1920), его переписке и сотрудничестве с Фетом-переводчиком, а также о его оценке фетовских переводов см.: *Мендельсон Н. М.* Письма Ф. Е. Корша к А. А. Фету // Сборник Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1928. Вып. 1. С. 36; *Письма к Олсуфьеву (50).* С. 216. 29 ноября Фет писал Полонскому, что в последние недели занимался в том числе «обделкой перевода» Плавта «для сцены» (*Переписка с Полонским.* С. 690).

⁸ 28 ноября 1888 г. Фет писал Ф. Е. Коршу: «Мне предлагают поставить „Aulularia“ в моем рифмованном переводе на сцену, и хотя я, согласно немецкому переводу „der Topf“, перевел — „Горшок“, но, ввиду французского перевода „La gammitte“, мне предлагают для избежания двоямыслия озаглавить комедию словом „Котелок“, тем более что наши клады постоянно оказываются в котлах, а не в горшках. Желая постоянно исполнять работу добросовестно и не будучи лично в состоянии взвесить всей дозволительности выставить над комедией Плавта заглавие „Котелок“, прибегаю к Вашей учености, которой в заключение всех моих разглагольствий достаточно только черкнуть одно слово: „можно“ или „нельзя“. А конечно, по-русски „Котелок“ следовало бы предпочесть Горшку» (*Космолинская Г. А.* Письма А. А. Фета к Ф. Е. Коршу // Из фонда редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета. М., 1993. С. 221).

стоялась (см. примеч. к письму 2). Текст комедии вышел отдельным изданием в 1891 году (*Плавт Тит Макций. Горшок*. В пер. А. А. Фета. М., 1891).

О качестве перевода «Горшка» Я. П. Полонский, слышавший чтение комедии в Театрально-литературном комитете, писал Фету в декабре 1888 года: «Твой „Горшок“, конечно, хорош, но без комментариев не везде удобопонятен. — Не понимаю, для чего ты перевел с рифмами. — Наши актеры и без рифм-то стихов читать не умеют, — а читатели — требуют легкости и музыкальности стиха. Перевод твой местами хорош — местами тяжел. — Видны следы труда почти непреодолимого — перевести классические сцены на язык Княжнина и Грибоедова».⁹ Напротив, филолог-классик Ю. А. Кулаковский в статье в «Русском обозрении» дал высокую оценку «живому, непосредственному и веселому переводу» Фета.¹⁰

В письмах 8 и 9 речь идет о непродолжительном пребывании Фета в Петербурге в феврале — марте 1889 года в связи с пожалованием ему 26 февраля звания камергера и необходимостью быть представленным ко двору и лично императору.¹¹

Наконец, короткий самостоятельный сюжет составляют в переписке два письма от ноября 1889 года (10 и 11). Фет поздравляет Григоровича с получением чина действительного статского советника, адресат же, не без намека на камергерство Фета, отвечает признанием в собственном равнодушии к чинам и отличиям, вновь повторяя то, о чем уже писал раньше (письмо 9). Едва ли случайно фамилию поэта на конвертах он несколько раз надписывает как «Шиншин».

Письма Фета публикуются по подлинникам — *ИРЛИ*. Ф. 82. № 161. Все они написаны рукой Е. В. Федоровой (в замуж. Кудрявцева), только заключительные фразы и подписи — рукой Фета. В архив Григоровича письма 3, 5, 6, 8 поступили из фонда П. И. Вейнберга; письмо 10 — из фонда И. А. Шляпкина. Письма Григоровича публикуются по подлинникам: письма 1, 2, 4, 7, 11 — *РГБ*. Ф. 315. К. 7. № 39; письмо 9 — *ИРЛИ*. Ф. 337. № 20284.

⁹ *Переписка с Полонским*. С. 692.

¹⁰ См.: Кулаковский Ю. А. Тита Макция Плавта. *Горшок (Aulularia)*, перевод А. А. Фета // Русское обозрение. 1891. Т. 1. Февраль. С. 917–928 (раздел «Критика и библиография»). См. подробнее: *Переписка с Полонским*. С. 693, а также примеч. 6 к письму 54.

¹¹ См.: *Летопись*. С. 331.

1

Д. В. Григорович — А. А. Фету

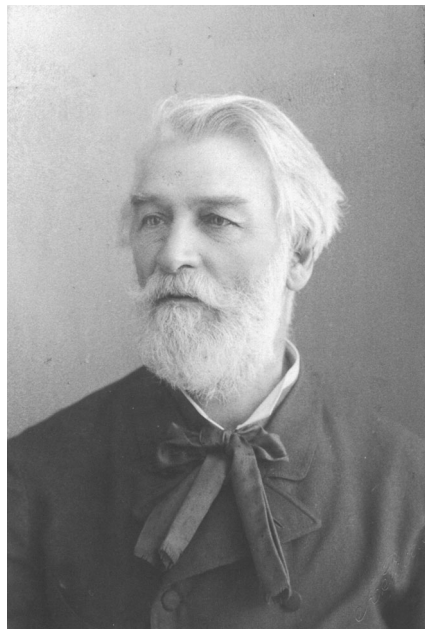
22 ноября 1888 г. Петербург

Петерб<ург>. 22 ноябр<я>.

Многоуважаемый и дорогой Афанасий Афанасьевич; письмо Ваше искренно меня порадовало;¹ оно показало мне, во-первых, что Вы меня не совсем забыли, во-вторых, — напомнило мне дорогое время и дорогой кружок лиц, из числа которых немного уже осталось. Радует меня также, что, несмотря на лета и многое уже в них Вами сделанное, — Вы продолжаете служить дорогому делу. Жаль, что пьеса Плавта, переведенная Вами, пришла в самый день заседания Комитета; у нас читалась пьеса на очереди; читал ее сам автор (В. А. Крылов)² и не было возможности отложить чтение. В следующую субботу пьеса Плавта будет прочитана.

Что будет она пропущена, об этом, конечно, не может быть речи; другое дело — ее постановка на сцену. Во-1-х, это не зависит вовсе от Комитета, существующего с тем только, чтобы оценивать литературное достоинство произведений; во-2-х, дирекция,³ руководящаяся, к сожаленью, — соображением доходности больше, чем оздоровлением вкуса публики, — вряд ли решится тратить деньги и время на постановку пьесы с сомнительным успехом. Бываете ли Вы часто в русском театре?⁴ Следите ли за текущим репертуаром? За последние годы вкус публики извратился до крайних пределов. Чуть что вышло из битой колеи гражданской скорби⁵ — публика скучает! На 2000 человек, сидящих в русск<ом> театре, — едва ли найдется 10 лиц, способных заинтересоваться комедией Плавта, слыхавших о таком имени, искренно убежденных, что в афише произошла опечатка и вместо *Плавтутина*⁶ напечатали *Плавта*!

Между русской театральной публикой и Плавтом такое же отношение, как между каким-нибудь бегемотом и лайковыми перчатками! Я, конечно, сделаю все возможное, чтобы пьеса была поставлена, — но заранее предупреждаю Вас — за успех не ручаюсь. Теперь другое дело: Вы жалуетесь на ослабление зрения; я старше Вас годами и в течение последних лет поправил зрение благодаря венскому профессору Притду, который советовал мне следующее: перед тем чтобы ложиться спать, умывать лицо горячей водой (насколько держит рука), затем обмывать всю глазную полость лица и накладывать компрессы: две ложки чайные отварной воды *на одну* ложку крепчайшего спирту в 92 град<уса>.

Д. В. Григорович
Фотография А. Пазетти. Петербург, 1888 г.

Этим способом я совершенно восстановил себе ослабевающее зрение, — а мне теперь 68 лет от роду.⁷

Очень, очень было мне радостно получить от Вас весточку и также узнать, что Марья Петровна обо мне вспомнила. Кланяюсь ей низехонько и Вам дружески жму руку

Д. Григорович.

Б. Морская, д. № 40.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 7. № 39. Л. 1–2 об.

¹ Это письмо Фета неизвестно.

² *Крылов Виктор Александрович* (1838–1906) — драматург, переводчик, журналист, театральный деятель.

³ Имеется в виду Дирекция Императорских театров.

⁴ Русским со времени его открытия в 1832 г. традиционно назывался Александринский театр в Петербурге (в отличие от Михайловского, в обиходе — Французского) и Малый театр в Москве (открыт в 1824 г.); на их сцене шла преимущественно русская драма.

⁵ Упоминание Григоровичем «битой колеи гражданской скорби» — намек на засилье социально ориентированных пьес на русской сцене, возможно, отсылка

к Предисловию Фета к третьему выпуску «Вечерних огней» (1888), где поэт давал объяснение своему неприятию «гражданской скорби» в лирике.

⁶ *Плавутин* — лицо неустановленное.

⁷ Григорович ошибся: он был моложе Фета, родившегося в 1820 г., а ему самому было в это время 66, а не 68 лет. Ср. письмо 9.

2

Д. В. Григорович — А. А. Фету

1 декабря 1888 г. Петербург

Многоуважаемый и дорогой Афанасий Афанасьевич, — в назначенный день не было, к сожалению, возможности прочесть переведенную Вами пьесу Плавта, как в 1-е, так и во 2-е отделение Комитета явились лично *приезжие авторы* пьес, назначенных для наступающих бенефисов на московской сцене; авторы эти г-жа Кашперова¹ и г-н Александров (не Виктор Крылов,² а Александров, другой какой-то московский автор).

Московских исключительных слушал Комитет, <он> не дает себе права откладывать чтение и тем заставлять авторов проживать в Петербурге лишнюю неделю до следующей субботы. Не известил я Вас об этом в тот же день потому, собственно, что Я. П. Полонский обещал немедленно писать Вам. С того дня я не виделся с Полонским, не знаю, исполнил ли он обещание, и для большей верности решаюсь сообщить Вам о случившемся.

В субботу пьеса Ваша будет прочитана во что бы то ни стало, и я немедленно извещу Вас.

Дружески жму Вашу руку и прошу принести мой нижайший поклон Марье Петровне.

Преданный Вам

Д. Григорович.

1-е декабр<я>. 1888 г.

Б. Морская, д. 40.

На конверте:

Москва.

Плющиха, дом Шинишина.

Его высокоородию

Афанасию Афанасьевичу

Шинишину.

Почтовые штемпели: 1) С.-Петербург, 1 декабря 1888; 2) Москва, 2 декабря 1888.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 7. № 39. Л. 3–4 об.

¹ *Кашиперова Екатерина Владимировна* — актриса труппы Малого театра в 1884–1887 гг., занималась также переводами пьес для театра.

² *Александров* — псевдоним В. А. Крылова (см. о нем примеч. 2 к письму 1). Другой «московский автор» — *Владимир Александрович Александров* (1856–после 1918), адвокат, драматург, автор нескольких пьес, поставленных в 1880–1890-х гг. главным образом на сцене Малого театра в Москве.

3

А. А. Фет — Д. В. Григоровичу

14 декабря 1888 г. Москва

МОСКВА
Плющиха, соб. дом

14 декабря 1888.

Дорогой Дмитрий Васильевич.

Получил я последовательно два письма Ваших, объясняющих задержку «Горшка» в Комитете; но с тех пор прошло уже две субботы, и я не могу понять, что случилось или чем я специально мог навлечь такую немилость. У меня требуют пиесу к сроку, а я без Вашего разрешения — парализованный человек. Ради Бога, помогите мне выбраться на жизненную тропу.^a Заранее уверен в любезной помощи Вашей.

Дружески жму Вашу руку.

А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: ИРЛИ. Ф. 82. № 164. Л. 1–1 об.

4

Д. В. Григорович — А. А. Фету

17 декабря 1888 г. Петербург

Дорогой Афанасий Афанасьевич. Не обвиняйте меня, прошу Вас, в том, что не дал знать Вам немедленно о единогласно пропущенной пьесе «Горшок» в субботу 3-го декабря; такая неаккуратность не в моем обычае вообще, а по отношению к Вам, — просто невозможна. Но вот

^a *Далее рукой А. А. Фета.*

что произошло: как только пьеса единогласно прошла в Комитете, сидевший рядом со мною общий наш друг Я. П. Полонский <сказал>, что напишет Вам о случившемся в тот же вечер. Я представил ему это удовольствие; — но Вы знаете его рассеянность; к тому же он в эти самые дни оканчивал свою поэму,¹ и немудрено, что возвратясь домой, — забыл исполнить свое обещание. Присланный Вами экземпляр пьесы останется здесь; тот, который с цензурным штемпелем, поступает в архив документов; другой хранится в особом отделении, чтобы иметь его тотчас же под рукою на тот случай, если пьесу решено будет поставить на сцену. В нынешний сезон, — вероятно, — будет невозможно; он весь уже распределен.

Дружески жму Вашу руку

Д. Григорович.

17 декабр<я> 1888 г.

На конверте:

Москва.

Плющиха, дом Шиншина.

Его высокоородию

Афанасию Афанасьевичу

Шиншину.

Почтовые штемпели: 1) С.-Петербург, 17 декабря 1888; 2) Москва, 18 декабря 1888.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 7. № 39. Л. 5–6 об.

¹ Речь идет о поэме Я. П. Полонского «Анна Галдина» (указано: *Переписка с Полонским*. С. 694; в цитируемом в примечаниях фрагменте письма Григоровича «свою» ошибочно прочитано как «новую»). В письме к Фету от 12–15 декабря, написанном почти две недели спустя после обсуждения фетовского перевода в Театральном комитете, Полонский не сообщил о его результатах, предполагая, что они уже известны ему от Григоровича (см.: Там же. С. 692). См. также письмо 5.

5

А. А. Фет — Д. В. Григоровичу

18 декабря 1888 г. Москва

МОСКВА

Плющиха, соб. дом

18 декабря 1888.

Любезнейший Дмитрий Васильевич!

В полученном мною вчера письме Полонского я прочел следующее: «я слышал чтение „Горшка“ в нашем театральном Комитете»... и далее:

«полагаю, что Дмитрий Васильевич Григорович уже сообщил тебе о результатах чтения твоей комедии».¹

Из первых строк я понял, что *комедия* уже неделю тому назад прошла в Вашем специальном Императорских театров Комитете, но я до сих пор, невзирая на мои убедительнейшие просьбы, моего одобренного общей театральной цензурой экземпляра не получаю. Что же касается до второй фразы, то я предполагаю, что она скрывает для меня неблагоприятный исход дела. Иначе для чего же нужно было витийствовать? Процензированный <так!> экземпляр моего произведения составляет документ, лично мне принадлежащий, подобно метрическим и другим документам, возвращаемым по принадлежности независимо от исхода дела.

Повторяя еще раз мою покорнейшую просьбу о высылке мне моего утвержденного цензурой экземпляра, я уверен, что Вы не откажете в ней старому приятелю. Признаюсь, что я скорей бы поверил, что какой-либо комитет выпил Неву, чем тому, что смиренный «Горшок» — Плавта зачеркнут какою-либо цензурой. А эта уверенность по сей день вводит меня в нравственную беду. Никулина просит ее в бенефис,² и тетрадь взяли и, быть может, в настоящее время разучивают роль, так как я целый месяц поджидаю со дня на день разрешения, которое, как я полагал, последует из одной формальности даже без чтения уже одобренной цензурой пьесы.³ Ради Бога, выведите меня из этого лабиринта, в который я попал по излишней доверчивости, и примите заблаговременно искреннюю признательность

преданного Вам

А. Шеншина.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. 82. № 164. Л. 3–4. Вверху л. 1 помета Григоровича: «*поэт Фет*».

¹ В письме от 12–15 декабря 1888 г. Полонский сообщал, что, завтракая с вел. кн. Константином Константиновичем, слышал в его исполнении два стихотворения Фета, и добавлял: «Ну, ей Богу же, за одно такое ярко-свежее и вечно-молодое стихотворение не взял бы я всего твоего перевода из Плавта. Я слышал его чтение в нашем Театральном комитете» (*Переписка с Полонским*. С. 692; письмо 54). Далее шла дословно цитируемая Фетом фраза о сообщении Григоровичем результатов чтения. Чтение и обсуждение фетовского перевода «Горшка» Плавта состоялось в Театральном комитете 3 декабря 1888 г. Полонский как член Комитета при-

³ *Далее рукой А. А. Фета.*

существовал на этом заседании (см.: Там же. С. 693). Григорович сообщил Фету о результатах чтения в письме от 17 декабря (№ 4).

² Никулина Надежда Алексеевна (в замуж. Дмитриева; 1845–1923) — актриса Малого театра, исполнительница комедийных и характерных ролей (главным образом в пьесах А. Н. Островского). Постановка комедии Плавта не осуществилась. Для бенефиса Никулиной, состоявшегося 16 января 1889 г., была взята комедия А. С. Суворина «Татьяна Репина»; ближайшее участие в ее сценической подготовке принимал А. П. Чехов, сообщавший о подробностях работы и Суворину, и Никулиной (см.: Зограф Н. Г. Малый театр второй половины XIX века. М., 1960. С. 613; Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М., 1976. Т. 3. С. 70–136, 350–352 и след.).

6

А. А. Фет — Д. В. Григоровичу

19 декабря 1888 г. Москва

МОСКВА

Плющиха, соб. дом

19 декабря 1888.

Любезнейший Дмитрий Васильевич!

Сердечно благодарю Вас за известие о пропуске «Горшка»; но я никак не могу понять порядка, вследствие которого один Комитет, признавая одобрение другого, безвозвратно уничтожает это одобрение. Если Вашему Комитету необходимо два экземпляра, то я вышлю Вам сейчас второй, лишь бы Вы выслали мне одобренный цензурою; иначе кто же мне поверит, что мне не только разрешено предлагать пиесу императорским театрам, но и вообще обнародовать ее в той, а не в другой форме. Для всего этого установлена цензурная скрепа по листам. Если же есть какой-либо другой образ действия, то не откажите наставить меня в этом смысле. Ведь не может же Ваше любезное частное письмо служить для меня оправдательным документом.^a

Извините, что беспокою Вас, но что же делать? В надежде на Вашу руку помощи крепко жму ее.

Ваш старый соратник А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. 82. № 164. Л. 5–5 об. Вверху л. 1 помета Григоровича: «А. А. Фет».

^a Далее рукой А. А. Фета.

Д. В. Григорович — А. А. Фету

21 декабря 1888 г. Петербург

Любезнейший Афанасий Афанасьевич, с получением последнего письма Вашего (я получил их два в один день),¹ — немедленно навел я справку у секретаря Комитета о том, — почему не была Вам отправлена пьеса, пропущенная Комитетом; вот что обнаружилось: вместо 3-х положенных по уставу экземпляров пьесы «Горшок» от Вас имеется всего один цензурный экземпляр, который и должен оставаться в цензуре. Второй экземпляр (если б Вы его выслали) остался бы при театральном Комитете; 3-й, наконец (если бы таковой имелся налицо), — был бы Вам давно отправлен с отметкою об утверждении пьесы.

Удивляюсь, как Вы, — до отсылки сюда пьесы — не расспросили у кого-нибудь, — хоть у В. А. Крылова,² о том, как эти дела делаются! Я убежден был, что все установленные 3 экземпляра у нас, и один из них — одобренный для представления — давно Вам послан.

Хотя мы не имеем никакого права распоряжаться цензурным экземпляром, он будет, однако ж, Вам выслан завтра в четверг; вышлет его уже Контора имп<ераторских> театр<ов>: дав расписку цензурному комитету, и вышлет как официальный документ в контору московских театров; там Вы получите пьесу в пятницу.

Всей этой процедуры, конечно, бы не было, — если б Вам угодно было послать три установленные экземпляра Вашей пьесы.

Мне остается только пожалеть о случившемся, порадоваться, что Комитет тут нисколько не виноват и пожелать искренно пьесе Вашей истинного успеха на сцене.

Жму дружески Вашу руку

Д. Григорович.

21 декабр<я> 1888.

На конверте:

Москва.

Плющиха, дом Шиншина.

Его высокородию

Афанасию Афанасьевичу

Шиншину.

Почтовые штемпели: 1) С.-Петербург, 22 декабря 1888; 2) Москва, 23 декабря 1888.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 7. № 39. Л. 7–8 об.

¹ Имеются в виду письма 5 и 6.

² О В. А. Крылове см. примеч. 2 к письму 1.

8

А. А. Фет — Д. В. Григоровичу

26 марта 1889 г. Москва

МОСКВА
Плющиха, соб. дом

26 марта 1889.

Добрейший и многоуважаемый
Дмитрий Васильевич.

Совесть мучает меня, принуждая извинить в глазах Ваших, что в течение недели моего пребывания в Петербурге не успел явиться к Вам с поклоном. Но одного Вашего взгляда на меня, отвратительно больного вот уже вторую неделю, было бы достаточно для полного моего оправдания. Визиты мертвецов представляют аномальное явление, от которого люди отделяются осиновыми кольями и разными другими целесообразными заклинаниями.

В Петербурге я слышал, что и Вы некоторое время были не совсем здоровы.

Елена Андреевна Третьякова¹ насмешила нас с женою Вашим сказанием о шапке, до того сальной, что она могла бы гореть, как плошка. Видно, что юмор Ваш с годами не утрачивает силы.

Мне было бы слишком тяжело думать, что старческая хворь моя, помимо физических страданий, приносит мне и нарекания со стороны старых приятелей.^а

Примите наши общие с женою усердные поклоны и наилучшие пожелания.

Неизменно преданный Вам
А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. 82. № 164. Л. 6–6 об. Вверху л. 1 помета Григоровича: «А. А. Фет».

¹ Е. А. Третьякова — вторая жена коллекционера и мецената С. М. Третьякова (1834–1892), с 1889 г. жившего в Петербурге.

^а Далее рукой А. А. Фета.

Д. В. Григорович — А. А. Фету

28 марта 1889 г. Петербург

Петерб<ург>. 28 марта.

Глубокоуважаемый и дорогой
Афанасий Афанасьевич,

Действительно, я попенял на Вас, но совсем не за то, что Вы ко мне не заехали, — а за то, что, быв в Петерб<урге>, не спросили моего адреса и не черкнули словечка о том, что приехали и где остановились. С превеликою радостью я бы поспешил навестить вас и Марию Петровну, потому что и помню и люблю Вас обоих. Считаться визитами между нами тем более лишнее, что как только отношения склоняются в сторону церемоний, — доля искренности утрачивается; — а для меня только это и дорого. Ел<ена> Андр<еевна>¹ очень нехорошо делает, что передает то, что говорится в тесном кружке и в минуту разыгравшегося воображения; — мало ли что срывается тогда с языка; это тем менее мне нравится, что я высоко ценю и ношу в моем сердце лицо, о котором шла речь. Легко обвинять в так называемом злоязычии! Дайте-ка любому из обвинителей способность живо воспринимать впечатления и вместе с тем мгновенно облекать их в более или менее забавную форму; надо тогда посмотреть, как стал бы этот^a смертный воздерживаться от красного словца! В данном случае один Христос разве мог бы устоять против соблазна. Не поздравлял я Вас с камергерством потому, собственно, что, живя в Петерб<урге> и встречая во множестве камергеров, убедился в том, что звание оно не только не прибавляет лишнего часа в жизни человека, — но даже не в состоянии избавить от насморка и зубной боли. Впрочем, у Вас, говорят, была на это особая уважительная причина. Меня весьма опечалила кончина С. С. Боткиной; не считая горя Д<митрия> П<етровича>,² — которого я люблю, я глубоко уважал покойницу и ценил ее как жену и мать; она отвечала почти моему идеалу замужней женщины, — идеалу, нарисованному^b на надписи гробницы римской женщины: «*Она занималась шитьем и оберегала дом*». На мой взгляд, это для женщины в 1000 раз лучше, чем изменять мужу, и более в пользу Шопенгауэра — хотя бы даже в Вашем переводе.³ Вам говорили обо

^a Далее зачеркнуто одно слово.

^b Было: надписью на, исправлено на: на (вписано) надписи

Тампер. 28 марта. 1
1889
Глубокоуважаемый Александр
Александрович Кошмачев,
Объясняясь с вами и сменяясь
по письму, не советую извещать
никого о нашей переписке, а за-
тем, что писал в Тампер. не
совсем мало адресов и не
первоначальными отсылками
критиком, а как самостоятельным,
своеобразного рода письма и
восхищениям по отношению к
Морье Кемпорову по отношению
и к нему и к моему Вильгельму.
Вспомните вдумчиво между
нами писалось только лишь, что
каждому из нас хотелось бы
написать в адресе друга, —
даже и в адресе друга, —
а для меня, только в адресе
Ген. Андреева по адресу Тампер,
это переписывается по тому же
решению, как и в адресе друга.

Письмо Д. В. Григоровича к Фету от 28 марта 1889 г.

Первая страница

мне сухую правду — хотя это редко случается; я в самом деле был^в опасно болен и теперь еще чувствую себя не совсем ладно; доктора уверяют, что грудные фибры отделяют известь;⁴ я полагаю, дело проще: на развалинах известь, напротив, осыпается и ее нет; главную роль играет ржавчина; мне уже минуло 67 лет и, следовательно, пора ей начать разъедать меня. Однако я с Вами заболтался, — тоже признак старчества. «*Assez de battéfolage comme ça, — il faut conclure!*»,^г как говорил Тургенев, отправляя за границу своего protégé^а Колбасина.⁵

Марье Петровне горячо пожимаю обе руки, а Вас по старой памяти просто обнимаю и целую в обе щеки. Увидите Л. Н. Толстого, поклонитесь ему от меня; он когда-то меня любил, а я и теперь люблю его не меньше прежнего. Будьте оба здоровы, — счастливы насколько возможно.

Искренне Вам преданный

Д. Григорович.

Пет<ербург>. 28 ма<рта>.

1889 г.

На конверте:

Москва.

Плющиха, дом Шеншина.

Его превосходительству

Афанасию Афанасьевичу

Шенину.

Почтовые штемпели: 1) С.-Петербург, 30 марта 1889; 2) Москва, 31 марта 1889.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20281. Л. 1–2 об.

¹ См. письмо 8 и примеч. 1 к нему.

² *Боткина Софья Сергеевна* (рожд. Мазурина; 1840–1889) — жена шурина Фета Д. П. Боткина (1829–1889) — коллекционера, мецената, владельца богатой коллекции европейской живописи, близкого друга С. М. Третьякова и его свойственника (Третьяков был женат на родной сестре С. С. Боткиной). Как вспоминал П. И. Щукин, «по воскресеньям у Дмитрия Петровича бывали обеды с гостями — зимой на Покровке, а летом в Кунцеве на его даче. <...> Вообще семья Дмитрия Петровича отличалась радушием и гостеприимством» (цит. по: *Егоров Б. Ф.* Боткины. СПб., 2004. С. 127 (сер. «Преданья русского семейства»); подробнее: С. 124–131). На кончину С. С. Боткиной Фет откликнулся стихотворением «Памяти С. С. Б—ой», включив его в четвертый выпуск «Вечерних огней» с датой «7 марта 1889 г.».

^в был — *вписано*.

^г «*Довольно молоть вздор, — пора заканчивать!*» (франц.).

^а протеже, подопечного (франц.).

³ Фет перевел и издал три работы А. Шопенгауэра: «Мир как воля и представление» (СПб., 1881), «О четверном корне закона достаточного основания» и «О воле в природе» (М., 1886).

⁴ Григорович страдал грудной жабой. «У меня возобновилась прежняя моя болезнь, — писал он В. А. Гольцеву 18 декабря 1889 г. — Худшее с ней, нравственно тягостный гнет, при котором не только невозможно писать, но и спокойно думать» (цит. по: *Мецгеряков В. П.* Д. В. Григорович — писатель и искусствовед / Отв. ред. Г. Н. Моисеева. Л., 1985. С. 142).

⁵ *Колбасин Елисей Яковлевич* (1832–1885) — прозаик, критик, принадлежавший кругу «Современника». О его поклонении Тургеневу и даже подобию страсти по отношению к нему оставили свидетельства многие мемуаристы; покровительство Тургенева Колбасину высмеивал, в частности, Н. А. Добролюбов как «литературное генеральство» и воскрешение «моды иметь литературных милостивцев» (см.: *Краснов Г. В.* 1) Примечания // *Панаева (Головачева) А. Я.* Воспоминания. М., 1986. С. 465–466; 2) Колбасин Е. Я. // *Русские писатели: 1800–1917: Биограф. словарь.* М., 1994. Т. 3. С. 21). За границу Колбасин уехал в мае 1858 г. и более года прожил в Киссингене и Париже, побывав также вместе с Тургеневым в Лондоне.

10

А. А. Фет — Д. В. Григоровичу

3 ноября 1889 г. Москва

МОСКВА

Плющиха, соб. дом

3 октября¹ 1889.

Многоуважаемый Дмитрий Васильевич!

Прочитавши сегодня с женою в «Московских ведомостях» о получении Вами Высочайшей награды,² мы душевно обрадовались, и я счел приятною для себя обязанностью поздравить Ваше Превосходительство³ с Монаршей милостью. Закоренелый солдат и в собственном соку заспиртованный консерватор, я совершенно ясно различаю четыре мотива: первое: необузданное самолюбие, мечтающее стать с конституционной трибуны во главе темной массы; второе: бессильная зависть перед вывеской: «зелен виноград»; третье: неудержимое желание отличаться перед другими пестротой своего нравственного костюма с хохлацким эпитафием: «хоть гирише, да иньше»; и наконец, четвертое: отчаянное отсутствие всякой собственной инициативы с излюбленной мужицкой поговоркой: «как люди, так и мы».

Вот в своем роде четвероякий корень⁴ уличного либерализма, обуревающего наших поповичей и разночинцев под дуновением их же собственных журналов. Я же в унисон с последним русским мужиком не

перестаю называть вещи их собственным именем, и в том числе Царскую милость Высочайшею в жизни наградою.

Примите это искреннее поздравление вместе с пожеланием долгой возможности продолжать Вашу полезную деятельность.

Сию минуту узнал от Михаила Петровича Боткина,⁵ что Вы бодры и здоровы, чему сердечно обрадован.^a

По старине дружески жму Вам руку.

Преданн<ый>Вам

А. Шеншин.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Ф. 82. № 164. Л. 7–8. Вверху л. 1 пометы Григоровича: «А. А. Фет — Шиншин», «А. А. Фет».

Письмо частично цитируется: *Переписка с Полонским*. С. 773 (примеч. 2. к письму 95).

¹ В автографе ошибка; должно быть: «ноября» (ср. ниже, примеч. 2).

² В связи с 50-летним юбилеем Рисовальной школы при императорском Обществе поощрения художников Д. В. Григорович как ее преобразователь и директор (1865–1887) получил чин действительного статского советника (чин IV класса по Табели о рангах). В «Московских ведомостях» сообщение об этом появилось 2 ноября (№ 303). О заслугах Григоровича как секретаря (с 1864 г.) Общества поощрения художников и директора Рисовальной школы при нем В. Р. Зотов писал: «...для этого общества он сделал очень много, и его можно смело назвать устройтелем этого процветающего теперь учреждения. <...> Ему обязана Россия устройством литографического и ксилографического дела, образцовыми художественными изданиями видов Петербурга, профилей и фасадов его зданий, сцен из народного быта, костюмов инородцев, живущих в России, и пр. Дмитрий Васильевич с рвением истинного любителя, с знанием настоящего знатока искусства принялся расширять круг деятельности общества, ввел в него новые элементы, придал ему более практическое направление. При обществе была школа рисования под ведением министерства финансов. Министерство положило закрыть ее, но она была сохранена и, перейдя в заведование общества, пополнена новыми классами композиции, орнамента, лепной работы, резьбы на дереве, эмалировки и др. Ей придано художественное техническое направление. <...> Он ввел в школу новый, рациональный метод преподавания. Кроме классов рисования с эстампов и гипсовых фигур, учреждены классы: натурный, композиции, гравюры на дереве, скульптуры, резьбы из дерева, живописи на фарфоре, стекле и эмали, перспективы, основных начал архитектуры, истории искусства и различных ремесл <так!>, некоторых отделов строительного искусства, химии в ее применении к составам эмали и минеральных красок. Устройство школы в доме общества, подаренном государем, образцовое. <...> Библиотека составлена лишь из ценных изданий. Кроме того, устроен музей по всем отраслям художества <...>. И все это — школа, музей, библиотека, мастер-

^a *Далее рукой А. А. Фета.*

ская, обязано своим устройством исключительно одному Григоровичу, и обо всем этом он ни слова не говорит в своих „Воспоминаниях“ <...>» (Зотов В. Р. Художник-литератор. Биограф. очерк (По поводу полувекowego юбилея Дмитрия Васильевича Григоровича) // *ИВ*. 1893. № 9. С. 696–697). О деятельности Григоровича см.: Макаренко Н. Е. Школа императорского Общества поощрения художеств. 1839–1914. Пг., 1914; Юманкова Е. П. Литературная и общественно-культурная деятельность Д. В. Григоровича в 1880–1890-е гг. С. 149–152; Мецгеряков В. П. Д. В. Григорович — писатель и искусствовед. С. 128–136.

³ «Ваше (его) превосходительство» — официальная формула титулования (т. н. общий титул) лиц в чинах III–IV классов по Табели о рангах. Использование общего титула было обязательно во всех случаях обращения к вышестоящему по службе или по общественному положению. В XIX в. в России существовало пять общих титулов: I и II классы — ваше высокопревосходительство; III–IV классы — ваше превосходительство; V класс — ваше высококородие; VI–VIII классы — ваше высокоблагородие; IX–XIV классы — ваше благородие (см.: Шенелев Л. Е. Чиновный мир России: XVIII — начало XX в. СПб., 1999. С. 142–143).

⁴ «Четвероякий корень принципа достаточного основания» (1813) — докторская диссертация А. Шопенгауэра, предшествовавшая главной его работе «Мир как воля и представление» (1818). В переводе Фета она носила название «О четверном корне закона достаточного основания» и была опубликована в 1886 г. Четыре «мотива» Фет перечисляет, следуя шопенгауэровскому «четвероякому корню» причин и следствий.

⁵ М. П. Боткин (1839–1914) — художник, академик живописи (с 1863 г.), кол-лекционер; шурин Фета. Жил в Петербурге, где в доме на Васильевском острове собрал уникальную коллекцию памятников античного и ренессансного искусства (в 1920 г. она поступила в Эрмитаж). См. о нем: Егоров Б. Ф. Боткины. С. 192–213.

11

Д. В. Григорович — А. А. Фету

12 ноября 1889 г. Петербург

С. П. Б. 12 ноября.
1889 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Афанасий Афанасьевич, искренне благодарю Вас и Марию Петровну за память и дружеское письмо. Хотите верьте — хотите нет, — сохранение дружеских отношений со стороны старых друзей и товарищей по литературе, которых я привык уважать и любить, — дороже для меня всевозможных внешних отличий. Отличия эти были бы пригоднее в прошлое время, когда — благодаря им — можно было бы успешнее действовать в пользу общественного дела, которому я служил; теперь они нечто вроде горчицы — или если хотите кулебяки после ужина. Когда в Петербурге выступил

проект о засыпке Екатерининского канала и устройстве на его месте бульвара,¹ я постоянно проповедовал, что засыпку эту всего удобнее и дешевле было бы произвести одними действительными статскими советниками, — благо не знают здесь, куда их девать. С моей точки зрения, я только прибавился к их числу. Единственная награда, которая могла бы привести меня в неописуемый восторг, заставила бы пасть ниц перед наградителем и облобызать прах его ног, — это если бы вместо прибавки чина, — убавили мне десятка два лет... Но увы! увы!! против такой награды и сама природа бессильна! Она — жестокосердная, напротив, с каждой секундой приближает меня к тому, что мне так глубоко ненавистно, — чего я так боюсь. В январе надеюсь быть в Москве и, конечно, один из первых шагов будет направлен к Вашему жилицу. М. П. Боткин ошибается, говоря о моем здоровье; — и немудрено: мы встречаемся редко в заседаниях и мельком; чего уж тут хорошего, когда постоянно чувствуешь замиранье в груди и боль в сердце!

Приношу мой глубокий поклон Марье Петровне и Вам дружески жму руку.

Сердечно Вам преданный
Д. Григорович.

С. П. Б.

*Вознесенский мост,
Екатерининский канал, 79.*

*На конверте: Москва.
Плющиха, дом Шиншина.
Его превосходительству
Афанасию Афанасьевичу
Шиншину.*

Почтовые штемпели: 1) С.-Петербург, 13 ноября 1889; Москва, 14 ноября 1889.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 7. № 39. Л. 9–10 об.

Письмо частично цитируется: *Переписка с Полонским*. С. 773 (примеч. 3. к письму 95).

¹ Проект засыпки Екатерининского канала (ныне канал Грибоедова) был составлен в 1869 г. группой акционеров строительной компании и предполагал в дальнейшем обустройство на его месте проспекта с двумя железно-конными путями и бульвара для прогулок, которому предполагалось дать имя императора Александра II. Несмотря на первоначальное одобрение императором, в результате длительного обсуждения специальной комиссией проект был единогласно отвергнут Городской Думой в 1872 г.